

Сергей Мазур

Детское чтение как общественная проблема

Обращение к очень многим проблемам, кажущимся нам актуальными, требующим «немедленного разрешения», сталкивается уже на этапе их продумывания, попыток найти «практическое решение» с элементарными затруднениями: чья это проблема, кто ей должен заниматься, в чем ее смысл, в каких категориях, понятиях ее позволительно обсуждать?

Детское чтение как раз попадает в разряд такого рода тем, признаваемых общественным мнением достойными для разговоров в социальных местах: школах, родительских собраниях, конференциях, на страницах прессы. Как известно, общественное мнение — явление публичное. Оно порождается социальным резонансом, неизбежным при столкновении с вещами, препятствующими нормальному ходу жизни. Экономический кризис, повышение налогов, также пенсионного возраста, сокращение количества школ, изменение движения транспорта, скандалы во власти, экстремизм, ущемление прав, языковая дискриминация... Список явлений, попадающих в поле зрения общественного мнения определяют границы публичности. За ее пределами начинается рутина жизни. Парламент, суд, государственные органы власти, социальные институты гражданского общества. Мир повседневно занят чиновничьей по своей сути работой: мониторингом, принятием законов, выделением финансов для той или иной отрасли. Детское чтение в этом отношении мало чем отличается от других «общественно значимых дел»¹.

¹ О недовольстве. Председатель правления крупнейшей сети книжных магазинов в Латвии Вия Киблока

в 2010 году опубликовала открытое письмо средствам массовой информации «Почему у государства нет политики детского чтения?» – <http://www.zvaigzne.lv/lv/pedagogiem/aktualitates/article.php?id=45136>

«Как свидетельствуют последние статистические данные, читаем мы в открытом письме Вии Киблоки, – драматически уменьшились возможности публичных библиотек приобретать новые книги. Последние доступные статистические данные свидетельствуют: в 2009 году у публичных библиотек было на 18% – 37,2% меньше средств для покупок, чем в 2008 году. Учитывая то, что большая часть читательской аудитории дети и юноши в возрасте до 25 лет составляют 51% - 53% от всего количества пользователей библиотеки, то именно они больше всего страдают от нехватки книг. В свою очередь исследование 2009 года «Латвийские публичные библиотеки и Интернет: технологии, обслуживание и влияние на общество» свидетельствует, что 36 % читателей недовольны очередями за книгами в библиотеках... Если в Конституции закреплено бесплатное образование, чему соответствует использование приемлемых учебных средств, то в Латвии школам позволяют приобретать учебных книг из расчета 0, 69 сантим на одного ученика, в Эстонии же эта сумма достигает 30 евро, а в Литве сумма превышает 20 евро. Латвия присоединилась к конвенции ООН о правах ребенка, 17 пункт которой предусматривает политику, способствующую развитию детского чтения. Сегодня же чиновники решили увеличить налоги как на детскую так и на учебные книги».

В публикации «Читающий народ» 28 февраля 2012 года в газете «Diena» (День) журналист Марис Берзиньш, ссылаясь на информацию на Интернет-странице Министерства культуры о Латвии как читающей стране, вопрошает: «Как давно отыскились эти пафосные мифологические источники? Факты скорее свидетельствуют: читающим народом нас трудно назвать, но в ближайшие годы оснований для подобных утвержде-

Оно находится сразу в нескольких ведомствах. Министерство культуры на собственной Интернет-странице отчитывается о достигнутых успехах: более 2000 библиотек и строительство Национальной библиотеки в Риге — это небывалый показатель для небольшой страны.

Институт социологии, проводив исследование детского чтения, сравнивал в отчете сухие столбики процентов, показанных латвийскими школьниками, с уровнем чтения в Европе. Цифры удовлетворительные, положение устраивает. Министерство образования выделяет часы для преподавания русской литературы в национальном латышском государстве. Какие могут быть еще претензии к государству?

Что-то все равно в этом хорошо ухоженном отчете нас не устраивает. Противоречие между общественным мнением негативно, конечно, оценивающим положение дел в Латвии и бодрым и солидным административным раскладом, представляется ситуацией типичной и не только для Латвии. Противоречия съедают все — уверенность в собственной правоте, доверие к официальной позиции. В этом, вроде бы безнадежном положении, главным становится даже не проверка правильности социологического отчета², выполненного по заказу государства, а вопросы: почему то, что устраивает государство, не выгодно общественному мнению, почему предмет исследования сделан не уровень освоения классического наследия в литературе, а коммуникация, воздействие Интернета, почему, в конечном итоге, среди исследовательских позиций нет пункта о русской книге в Латвии?

Дело, между прочим, в социальной позиции государства. В позиции все же содержится противоречие между идеологической установкой и практикой нормативной деятельности. Идеологическая установка берет свое начало в либеральных истоках латвийского государства. Суть ее в том, что культура — частное дело современного человека, в XXI веке каждый сам выбирает нужную книгу.

ний станет еще меньше» — <http://www.zvaigzne.lv/lv/pedagogiem/aktualitates/article.php?id=45136>.

² Имеется в виду, исследование, проведенное Латвийским Исследовательским институтом социологии в 2009-2010 году по заказу Латвийского государства и при финансировании фонда «Bila & Melindas Geitsu», также самоуправлений в рамках программы «Trešais tēva dēls» (Третий сын отца).

Так, посетив за последний месяц несколько публичных библиотек, задавая работникам детских отделений один и тот же вопрос: «Влияете ли вы на выбор детьми художественной литературы?», получал одинаковый ответ: «Нет, дети сами должны выбирать нужную им книгу!» «Почему?» «Так нам говорят на всех совещаниях библиотек г. Риги». И пусть в жизни все происходит иначе. Библиотекарь, если уж возникнет у посетителя вопрос о книге, обязательно расскажет и порекомендует взять для чтения ту или иную книгу. Важнее выявить существующую взаимосвязь между либеральной установкой (выбор человека должен быть самостоятельным) и практикой нормирования поведения библиотекарей со стороны административного аппарата.

Государство не может обойтись без социальной позиции даже в вопросах детского чтения. Ведь нужно выделять деньги на покупку книг, принимать соответствующие нормативные акты, решать вопрос о средствах на покупку книг, и на русском языке, в том числе (нужно ли это латвийскому государству?), в эпоху экономических трудностей определять собственные приоритеты, куда денег вкладывать больше, а какие области подвергать сокращению.

Социальная позиция нуждается в оправдании.

Почему, например, в Латвии детское чтение попадает в категорию добровольного выбора, а в Великобритании, Франции и Германии детское чтение — общезначимое дело?

Почему в Германии в школах могут вводить ежедневные уроки обязательного чтения, а французские социологи обеспокоены тем, чтобы характер юношей формировался национальной классической литературой, а Великобритания в это время усиливает репрессии против тех школ, которые из рук вон плохо влияют на формирование детского чтения?

На случае с Великобританией хотелось бы остановиться чуть более подробно. Вот фрагмент из статьи, опубликованной на общественно-политическом ресурсе «Взгляд».

Бунт безграмотных

Правительству Великобритании представили неожиданные выводы о причинах прошлогодних погромов в Лондоне. Общая невоспитанность и плохой уровень образования в британских шко-

лах, пятая часть учеников которых к 11 годам с трудом умеет писать и читать, стали одной из причин случившихся в августе прошлого года молодежных погромов в Лондоне. К такому выводу пришла созданная по распоряжению британского правительства комиссия, изучавшая подоплеку беспорядков. Эксперты, впрочем, не торопятся соглашаться с такими выводами.

К молодежному бунту в Великобритании, случившемуся в столице королевства в августе прошлого года, могли привести недостатки социальной политики властей страны. Такие выводы содержатся в докладе, подготовленном независимой комиссией, расследовавшей произошедшее по распоряжению правительства. В частности, в качестве одной из причин августовских погромов, в которых приняла участие молодежь до 25 лет, комиссия видит низкий уровень воспитания подростков в семьях, а также образования в государственных школах, расположенных в проблемных районах. В докладе приводится статистика, согласно которой пятая часть английских школьников к 11 годам едва умеют читать и писать, сообщает ИТАР-ТАСС. Критика системы британского школьного образования частично совпадает с выводами, ранее содержащимися в международном исследовании PISA, считающейся одной из самых авторитетных в мире программ по оценке образовательных достижений учащихся. Согласно нему, уровень образования в Великобритании, учебные заведения которой столь почитаются обеспеченными россиянами, в последние годы заметно упал. Так, если в 2000-м году, когда проводилось первое исследование PISA, страна по качеству уровня знаний выпускников своих школ находилась на 7-м месте из 32 стран, то в 2009 году — уже на 24-м из 65. В качестве предупреждения такой ситуации эксперты предлагают в своем докладе штрафовать школы, которые не могут привить своим ученикам навыки чтения и письма, и вводить в них так называемое «внешнее управление» под руководством администрации более успешных учебных заведений.³

Истоки социальной нетерпимости в Великобритании связывают с низкой квалификацией детского чтения и деградацией форм общественной жизни. Детское чтение, таким образом, в Великобритании включается в социальную политику государства.

Социальная позиция, как принято об этом писать, формируется социо-культурными обстоятельствами, но не только ими.

Так, в советской России в начале 20-х гг. XX века власть стремилась к ликвидации безграмотности. Государство в условиях разоренной страны стремилось использовать шанс получить нового человека, воспитать его на волне новой литературы, и такое возможно было только в начале 20-х гг. XX века. Правда, общественное значение чтения возымело действие значительно раньше. Алексей Щербаков в книге «Гении и злодейство. Новое мнение о нашей литературе» считает, что первое поколение рабочих-революционеров появилось из своеобразных вечерних школ, в которых учителя были социал-демократы. «В этих легальных вечерних школах отнюдь не вели революционной агитации. Просто преподавали историю культуры с определенной точки зрения, сегодня, кстати, примерно так же работают со школьниками национал-большевики».⁴

В это же самое время созданием нового человека был озабочен руководитель коммуны для беспризорников Антон Семенович Макаренко. Эталону нового человека, казалось, не соответствовало почти все окружение великого педагога. Это и представители «чистого» педагогического жречества, такие как петлюровец, профессор Панов Федор Карпович или мошенник, шарлатан и пьяница профессор-педолог Чайкин Сергей Васильевич. Это педагог-петлюровец, националист Дерюченко, «ясный как телеграфный столб», это и море крестьянской стихии, окружавшей колонию имени Горького... Новый человек обретал себя на путях коллективного опыта, советского общества, многими социальными нитями связанный с формами жизни нового растущего мира. В опыте создания коллективного мира детское чтение становится общественным делом. Человек будущего может получиться, если он читает и любит книги пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького.

«Горьковскими рассказами и горьковской биографией увлекались и старшие и малыши, несмотря на то, что малыши почти все были неграмотны».⁵ В коммуне из беспризорных

4 Щербаков А.. Гении и злодейство. Новое мнение о нашей литературе. М., 2011, с. 64-65.

5 Макаренко А.С. Педагогическая поэма. Макаренко А.С. Сочинения в семи томах. Том 1, М., 1957, с. 86.

³ <http://vz.ru/politics/2012/3/28/571440.html>

подростков каким-то чудом безупречно выстраданным А.С. Макаренко, чтение обрело черты культуры, противопоставляющей себя старому, дикому, уходящему миру. Чтение как бы заняло место средневековой теургии. Оно позволяло вмещать общее дело, примером которого и идеалом был лучший пролетарский писатель А.М. Горький. «Жизнь Максима Горького стала как будто частью нашей жизни», — эти строки из «Педагогический поэмы».

«Вечерами в спальнях мы часто устраивали общие чтения. У нас с первого дня образовалась библиотека, для которой книги, писал А.С. Макаренко, — я покупал и выпрашивал в частных домах. К концу зимы у нас были почти все классики и много специальной литературы. Удалось собрать в запущенных складах губнародобраза много популярных книжек по разным отраслям знания. Читать книги любили многие колонисты, но далеко не все умели осиливать книжку. Поэтому мы и вели общие чтения вслух, в которых обыкновенно участвовали все. Читали либо я, либо Задоров, обладавший прекрасной дикцией. В течение первой зимы мы прочитали многое из Пушкина, Мамина-Сибиряка, Вересаева и в особенности Горького».⁶

Социальная позиция А.С. Макаренко отличалась от социальной позиции советского государства по отношению к литературе. Важно то, что она была возможна даже в ситуации оголтелой дерусификации, затронувшей казалось бы богом забытую колонию несовершеннолетних, расположенную в местечке Куряжского монастыря под Харьковом. Социальная позиция А.С. Макаренко формировалась педагогикой, для которой исходным вопросом была структура детского чтения.

О детском чтении пишут многие, российские социологи в том числе. Вера Петровна Чудинова, кандидат педагогических наук, заместитель директора Российской государственной библиотеки⁷, в некоторых своих статьях постулирует кризис детского чтения.

⁶ Там же, с. 84.

⁷ В.П. Чудинова – вице-президент межрегиональной общественной организации «Русская ассоциация чтения», зав. отделом социологических исследований Российской государственной детской библиотеки, доцент Межвузовского центра лингвистического образования Московского государственного лингвистического университета

выражающегося в отторжении подростков от книжной культуры. Выход из кризиса по В.П. Чудиновой находится в изменении преподавания литературы и участия государства в издательских и образовательных программах, известных в общемировом опыте (Великобритания, Германия).⁸

Нынешняя социальная позиция латвийского государства вписывает детское чтение в функционирующую либерально-модернистскую парадигму, согласно которой ничего не должно навязывать личности. Зададимся детским вопросом: хорошо это или плохо для культуры? Если культура — это всегда соотнесенность с тем, что Макс Вебер, наверное, назвал бы ценностью, то вероятно плохо. Культура, детское чтение как часть культуры не может быть нейтральным явлением. Проведенное мной в марте 2012 года анкетирование с 4-го по 12-й классы в одной из школ⁹, работающей по программе для русских национальных меньшинств,¹⁰ показало значительное снижение роли русской книги в среде школьников. Если в обществе не существует механизмов приобщения юношей и девушек к чтению, то неизбежно происходит отрыв от корней традиции, от русской культуры.

⁸ Чудинова В.П. Дети и подростки в изменяющемся информационном пространстве: состояние чтения и группы риска – <http://www.uraledu.ru/node/26422>

⁹ Анкетирование, проведенное мною с 4-го по 12-е классы в одной из рижских школ в марте 2012 года по рекомендации председателя Латвийской ассоциации преподавателей русского языка и литературы Елены Дмитриевны Бердниковой.

¹⁰ С результатами анкетирования в ближайшее время можно будет ознакомиться на сайте Гуманитарного семинара – <http://seminariumhumanitatis.info/>